

УДК: 327-057.54

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-123-132

**ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕОРИИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ**

О. В. Онопко

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Донецкий государственный университет.
E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID: 0000-0001-5569-8256).

Аннотация

Представлен научный обзор работ по теории секьюритизации, направленный на выявление возможностей её применения для изучения внешнеполитической экспертизы. Автором характеризуются основные акторы секьюритизации международно-политических вопросов; выделены ключевые положения теории секьюритизации, которые могут быть использованы для изучения внешнеполитической экспертизы; предложена авторская интерпретация типологии политических экспертов О. Хвостуновой применительно к секьюритизации в рамках экспертного геополитического дискурса. В результате установлено, что применение теории секьюритизации может содействовать развитию научного представления о внешнеполитической экспертизе как о специфической сети экспертов, участвующих в геополитическом дискурсе государства и через него влияющей на внешнюю политику. Эксперты могут участвовать в секьюритизации международно-политических вопросов на всех уровнях геополитического дискурса. В перспективе изучение секьюритизационных шагов и в целом секьюритизирующих речевых актов может способствовать более глубокому пониманию того, как и на основании чего формируются представления лиц, принимающих внешнеполитические решения в сфере безопасности, какие каналы для этого используются, какую роль в этом процессе играет внешнеполитическая экспертиза и псевдокэкспертиза.

Ключевые слова: внешнеполитическая экспертиза; внешняя политика; теория секьюритизации; геополитический дискурс; экспертная сеть.

Внешнеполитическая экспертиза – один из ключевых компонентов политической системы, деятельность которого направлена на изучение международной среды и предоставление акторам политики рекомендаций по поведению в данной среде. Обладая эксклюзивными знаниями, опытом и навыками работы в сфере международных отношений, внешней и военной политики, политики безопасности, эксперты-международники и различные экспертные структуры являются активными действующими лицами процесса выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений в государстве. Их привлечение в консультативных целях давно стало нормой, которая часто помогает компенсировать ограниченную компетентность политических лидеров и государственных гражданских служащих в вопросах международной политики. В этих условиях эксперты и экспертные структуры не просто предоставляют оценки международно-политической действительности и предлагают проекты решений по коррекции внешнеполитического курса государства, но и имеют возможность навязывать акторам политики своё видение мира, ценностные установки и геополитические представления. К последним относятся и утверждения о том, что те или иные вопросы международной политики представляют угрозу для государства, а потому требуют принятия определённых «экстраординарных мер» в сфере безопасности (Никитина, 2019: 729). Для объяснения того, как возникают и существуют такие представления, ещё в 1990-х гг. Б. Бузаном и О. Уэвером была предложена теория секьюритизации (Buzan, Waever, Wilde, 1997), с тех пор получившая популярность и ставшая значимой в подходе к изучению вопросов международной безопасности и внешней политики. Несмотря на внушительный эвристический потенциал и опыт применения, её использование в исследованиях внешнеполитической экспертизы до сих пор является достаточно ограниченным.

С момента своего зарождения теория секьюритизации получила развитие во множестве научных работ, найдя применение как в фундаментальных, так и в прикладных исследованиях междуна-

родной безопасности. Более того, за почти тридцать лет существования она сама стала объектом научного анализа: в мировой и отечественной политологии сформировался целый пул работ, в которых изучаются особенности теории секьюритизации, аргументированно критикуются или же, наоборот, обосновываются её концептуальные положения, категориальный аппарат, практика использования. К современным зарубежным учёным, исследующим секьюритизацию, помимо упомянутых выше основателей теории, относятся К. Арадау, Т. Бальзак, П. Бильгин, С. Леонард, А. Луповичи, Дж. Найман, Х. Патوماки, Д. Рычновска, Х. Стритцель, Р. Таурек, М. Уильямс, Р. Флорид и др.; к российским – О. Гайдаев, К. Григорьева, А. Декальчук, В. Коньшев, А. Макарычев, В. Морозов, Ю. Никитина, М. Тамбовцева, Д. Эйвазов и др. В трудах этих и других авторов эксперты-международники и сам институт внешнеполитической экспертизы как действующие лица секьюритизации каких-либо международно-политических вопросов рассматриваются наряду с другими акторами этого процесса (политиками и политическими партиями, журналистами и СМИ, общественными деятелями и НКО, и др.), зачастую без выделения какой-либо специфики.

Принимая это во внимание, автор поставил цель – дать аналитический обзор работ по теории секьюритизации и определить возможности применения последней в политологических исследованиях и внешнеполитической экспертизе.

Актеры секьюритизации

В научных работах, выполненных в рамках теории секьюритизации, речь идёт о самых разнообразных акторах этого процесса, т.е. субъектах, которые заявляют о каких-либо вопросах как об угрозах безопасности государства, нации, общества, мирового порядка или других референтных объектов. К таким акторам относятся специалисты в сфере внешней политики (*foreign policy professionals* (Casarini, Musu, 2007)) и безопасности (*security / insecurity professionals* (Balzacq, Leoard, Ruzicka, 2016)), лица, вырабатывающие политику в определённых сферах общественной жизни (*policymakers* (Neo, 2020)), технические (*technical experts* (Balzacq, Leonard, Ruzicka, 2016)) и академические эксперты (*academic experts* (Middleton, 2016)), эксперты в сфере безопасности (*security experts* (Salter, 2008)), журналисты, лидеры общественного мнения и др. Помимо них, существуют и иные акторы секьюритизации международно-политических вопросов. В самом общем виде всех их можно разделить на пять основных групп:

1) политики – лица, секьюритизирующие те или иные вопросы внешней политики и международных отношений с целью завоевания, удержания и использования власти. Акты секьюритизации для них служат средствами получения политических дивидендов: повышения легитимности, узнаваемости, личного авторитета и престижа, которые даёт им комментирование вопросов внешней политики, обороны и безопасности. Кроме того, секьюритизация позволяет формировать образ врага, что может способствовать консолидации и мобилизации электората или даже целой нации. Вероятно, классическими примерами здесь могут считаться Дж. У. Буш и Т. Блэр, чьи действия в своё время были направлены на создание иллюзии угрозы безопасности США и Великобритании со стороны Ирака для легитимации вторжения в это государство в 2003 г. Также примечательны в этой связи курсы президентов Украины П. Порошенко и В. Зеленского, чья публичная антироссийская и антирусская риторика, безусловно, способствовала сохранению ими власти в государстве, но привела к разжиганию крупнейшего вооружённого конфликта в современной истории Европы;

2) гражданские и военные служащие и должностные лица, участвующие в секьюритизации различных вопросов как уполномоченные представители государства. Фактически это те, кого в англоязычном политологическом дискурсе называют «*foreign policy / security / defense professionals*». Данные лица, находясь на службе у государства, обязаны выявлять потенциальные или уже существующие угрозы безопасности, вырабатывать, принимать (преимущественно во взаимодействии с политиками) и реализовать внешнеполитические, военные и иные решения, направленные на предупреждение или устранение таких угроз. Речевые акты, с помощью которых они осуществляют секьюритизацию, зачастую непубличны и связаны с докладами политическому руководству страны, публикациями аналитических записок и отчётов, разработкой проектов стратегий, концепций и доктрин в сфере внешней политики, обороны и безопасности. Показательным примером в этом плане, по мнению Борозенца, может быть бывший советник по вопросам национальной безопасности и обороны, помощник руководителя Офиса президента Украины (2019 г.) И. Апаршин (Борозенец, 2020), во многом стоявший у истоков современной Стратегии национальной безопасности Украины, в которой

Россия рассматривается как главная угроза¹. Вместе с тем очень часто госслужащие берут на себя роль политиков, используя секьюритизацию внешнеполитических вопросов для борьбы за власть. К примеру, на той же Украине такими можно считать советников Офиса президента А. Арестовича (теперь уже бывшего) и М. Подоляка;

3) комментаторы – лица, обладающие определённым авторитетом или же просто узнаваемостью среди населения страны, при этом не являющиеся ни политиками, ни специалистами в сфере внешней политики, обороны и безопасности, но участвующие в секьюритизации. Это журналисты, блогеры, а также так называемые лидеры общественного мнения или персоны, которые позиционируются в СМИ в качестве таковых. Секьюритизируя какие-либо вопросы, они действуют, как правило, как агенты – в чужих интересах, не стремясь к извлечению личных политических дивидендов, но желая повысить собственную публичность, улучшить восприятие себя в общественном мнении с помощью участия в обсуждении важных политических проблем, став, выражаясь словами К. Доддса, «привилегированными рассказчиками» (Dodds, 1993: 71). Отдельные комментаторы, вероятно, даже обладают впечатляющими знаниями об объектах секьюритизации, но при этом им может не хватать экспертного опыта, квалификации или же просто формального статуса. Например, Н. Михалков и К. Шахназаров обладают большим авторитетом и узнаваемостью среди разных категорий граждан России, а их мнение по внешнеполитическим вопросам имеет значение при публичной секьюритизации, например, украинского направления внешней политики, но сами они не являются ни профессиональными политиками, ни экспертами-международниками;

4) псевдоэксперты – участвующие в секьюритизации лица, которые обладают статусом экспертов в сфере внешней политики и международных отношений или же позиционируют себя в качестве таковых, чьи оценки международно-политической действительности направлены на обоснование, оправдание и легитимацию заранее заданной точки зрения, «а иногда уже принятого политического решения» (Богатуров, 2002: 97). В отличие от комментаторов, которые не претендуют на компетентность своих оценок, псевдоэксперты подчёркивают свою значимость, акцентируют внимание на собственном статусе, говорят об «объективности», «научности», «независимости» и «обоснованности» своих суждений, прогнозов и рекомендаций. Их участие в секьюритизации практически всегда обусловлено волей других акторов политики и служит их интересам. Как отмечает О. Гайдаев, для эффективной секьюритизации требуется «привлечение разного рода "экспертов", позиционирование подаваемой информации как "аналитики"» (Гайдаев, 2019: 62). В связи с этим для имитации экспертного статуса псевдоэксперты часто создают «карманные» аналитические центры с реальным штатом в один-два человека. Это позволяет им участвовать в секьюритизации как «генеральным директорам», «председателям правления», «ведущим аналитикам» и т.п. представителям каких-либо «независимых экспертных» организаций. «Чтобы секьюритизация состоялась, её актор должен обладать в обществе достаточным авторитетом – быть видным политиком, общественным лидером или признанным экспертом по вопросам безопасности» (Володькин, 2019: 84). Наличие псевдоэкспертных структур создаёт иллюзию такого авторитета. Псевдоэксперты и их организации получили большое распространение после 2014 г. на Украине, когда правящий политический режим, аффилированные с ним политические силы и иностранные агенты начали использовать их в целях антиросийской пропаганды и для легитимации евроатлантического внешнеполитического курса страны;

5) эксперты – участвующие в секьюритизации лица, которые в силу сложившихся обстоятельств и (или) личных особенностей обладают эксклюзивными знаниями в определённой предметной области, квалификацией, эрудицией и опытом, а также способностью эффективно применять эти качества для оценки политической действительности, в частности, вопросов внешней политики и международных отношений. От других акторов секьюритизации их отличает наличие претензий на объективную истинность и научную обоснованность суждений об угрозах референтному объекту. Кроме того, как отмечает С. Ясонофф, «чего политики и общество всё больше ожидают от экспертов в области принятия решений, так это способности оценивать разнородные массивы знаний и предлагать сбалансированные мнения, основанные на далеко не совершенном понимании, по вопросам, которые не входят ни в одну конкретную дисциплинарную компетенцию. Суждение в условиях неопределённости и способность выносить это суждение в общественных интересах – главные требования, предъявляемые сегодня к экспертам, которых просят информировать лиц, вырабатывающих по-

¹ Указ Президента Украины №56/2022 Про рішення Ради національної безпеки і оборони України від 30 грудня 2021 року «Про Стратегію забезпечення державної безпеки» / Президент України [Электронный ресурс]. URL: https://www.president.gov.ua/documents/562022-41377?_x_tr_sl=uk&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 09.10.2022).

литику» (Jasanoff, 2006). Соответствие этим требованиям, а также заинтересованность СМИ, блогеров и других создателей информационного контента в привлечении экспертов для придания авторитета своим материалам делают из них чрезвычайно влиятельных акторов секьюритизации. Экспертные суждения также становятся всё более значимыми в условиях, когда лица, принимающие внешнеполитические решения, не обладают достаточной компетентностью, а политические институты, участвующие в их выработке и реализации, являются носителями низкой организационной культуры, не позволяющей эффективно оценивать как собственную деятельность, так и международно-политическую действительность. Так, например, на Украине экспертное сообщество и, в частности, представители Национального института стратегических исследований, Центра Разумкова и Совета внешней политики «Украинская призма» внесли значительный вклад в секьюритизацию образа России, последовательно объясняя властям и населению «неизбежность» вооружённого конфликта и необходимость подготовки к нанесению превентивного удара по республикам Донбасса и Крыму.

Эксперты и теория секьюритизации

Эксперты периодически упоминаются в научных трудах по теории секьюритизации. Так, уже в одном из первых – «Безопасность: новая рамка анализа» – Б. Бузан, О. Уэвер и Я. де Вильде отмечали специфический статус экспертов по безопасности, мнение которых «там, где заканчиваются формальные доказательства, оказывается уместным именно потому, что он или она является экспертом, а доказательства неубедительны. В этом эксперт по безопасности больше похож на консультанта по вопросам управления, которого просят оценить ситуацию, чем на традиционного учёного, чьи аргументы имеют значение только в той мере, в какой доказательства убедительны» (Buzan, Waever, Wilde, 1997: 178). В дальнейшем внимание вопросам экспертизы уделяли учёные, представляющие две основные научные школы теории секьюритизации: Копенгагенскую и Парижскую. Достаточно подробный научный обзор их работ с постановкой актуальных проблем для дальнейших научных исследований был подготовлен в 2017 г. Д. Рычновской (Rychnovska, Pasgaard, Berling, 2017). Как отмечает Т. Виллумсен-Берлинг, Парижская «школа занимается изучением того, как эксперты участвуют в установлении истины и тем самым помогают формировать среду угроз... Согласно Парижской школе, Копенгагенская школа изучает лишь верхушку айсберга, сосредоточив внимание на исключительных мерах. Вместо этого секьюритизация рассматривается как не очень впечатляющая повседневная практика, в которой часто участвуют "эксперты". Это привлекает внимание к статусу и повседневной работе конкретных экспертов по безопасности и представляет собой важную информацию для теории секьюритизации» (Berling, 2011).

Изучение научных работ по теории секьюритизации позволяет выделить несколько её основных положений, которые могут быть успешно использованы для исследований внешнеполитической экспертизы.

Во-первых, секьюритизация представляет собой политический коммуникативный процесс, в ходе которого какая-либо проблема из неполитической становится политизированной, а в дальнейшем секьюритизированной, т.е. рассматривается как экзистенциальная угроза безопасности, требующая принятия определённых мер со стороны государства (Никитина, 2019: 729). В основе этого процесса лежат секьюритизационные шаги / действия («securitizing moves») (Taureck, 2006: 55) – «речевые акты, которые сами по себе не являются секьюритизацией; проблема секьюритизируется только в тот момент, когда соответствующая аудитория принимает идентификацию экзистенциальной угрозы. Многие вопросы секьюритизированы (то есть существует много секьюритизаций), но только тогда, когда применяются чрезвычайные меры для устранения угрозы, в первую очередь приведшей к речевому акту, секьюритизация будет считаться успешной» (Floyd, 2015: 4). В этих условиях эксперты в сфере внешней политики и международных отношений совершают секьюритизационные шаги (консультируют государственные органы, публикуют аналитические записки, выступают в СМИ и пр.) в адрес различных аудиторий, пытаясь представить какие-либо вопросы угрозами референтному объекту, если аудитории принимают такие оценки экспертов, то свершается секьюритизация.

Во-вторых, эффективность секьюритизационных шагов определяется тремя основными факторами: аудиторией, контекстом и особенностям самих акторов секьюритизации. По Т. Бальзаку, «первый [фактор]... состоит из трёх компонентов: (i) система взглядов аудитории; (ii) готовность аудитории быть убеждённой, зависящая от того, воспринимает ли она [аудитория] секьюритизирующего актора как знающего проблему и заслуживающего доверия; и (iii) её [аудитории] способность предоставлять официальный мандат государственным должностным лицам или отказывать в его предос-

тавлении. Второй фактор касается влияния контекста на реакцию аудитории на аргументы секьюритизирующего актора – релевантные аспекты духа времени, влияющие на слушателя, и влияние непосредственной ситуации на то, как слушатель интерпретирует предложения секьюритизирующего актора. Третий фактор включает в себя способность секьюритизирующего актора использовать соответствующие слова и убедительные системы координат в данном контексте, чтобы заручиться поддержкой целевой аудитории в политических целях» (Balzacq, 2005: 192). В этих условиях эксперты могут справедливо считаться одними из наиболее эффективных акторов секьюритизации, поскольку специфический статус обеспечивает им легитимность и доверие аудитории, а квалификация, навыки, опыт экспертизы и социальной коммуникации позволяют максимально эффективно с ней взаимодействовать, распространяя и укрепляя в общественном мнении необходимые секьюритизированные представления.

В-третьих, эксперты являются полноценными акторами секьюритизации, носителями дискурсивной власти, эпистемным сообществом (Коньшев, Сергунин, Субботин, 2016: 105). Их главный ресурс – то, что придаёт силу осуществляемым ими секьюритизационным шагам, – специальные экспертные знания. Именно они «обеспечивают эпистемологическую основу для преобладания секьюритизирующих дискурсов», а их «производители должны продемонстрировать определённый послужной список, [включающий в себя] образовательную подготовку в престижных учебных заведениях, соответствующие звания или ранги, профессиональную принадлежность к соответствующим учреждениям или публикации в признанных... изданиях. Однако доступ к такому послужному списку не обязательно взаимосвязан с определённой профессиональной сферой деятельности» (Scheel, 2002: 6, 8). Таким образом, исходя из данной позиции, экспертом может быть как профессиональный учёный, так и практический специалист и даже, например, журналист – главное, чтобы он обладал знаниями и соответствовал критериям, подтверждающим его специфический статус.

В-четвёртых, эксперты осуществляют секьюритизацию тех или иных вопросов международно-политической действительности, исходя из «воображаемой безопасности» («security imaginary») – по Ю. Вельдес, комплекса «устоявшихся смыслов и социальных отношений, из которых создаются представления о мире международных отношений» (Weldes, 1999a: 10), «государственного представления о мире, воплощённого в речах государственных деятелей и распространённого на все общество, разъясняющего, кто и что такое "мы", кто и какие "наши враги", чем они нам угрожают и как нам лучше всего справиться с этими угрозами» (Weldes, 1999b: 15). Фактически это особая часть геополитической картины мира (Колосов, 2011: 38) экспертов, предметом которой являются вопросы безопасности. Как отмечает С. Гуццини, «в процессе репрезентации и интерпретации событий в мире акторы мобилизуют этот резервуар необработанных значений, встроенных в коллективную память экспертного поля, включая исторические сценарии и аналогии..., а также встроенную субъектную позицию страны в международной системе...» (Guzzini, 2015: 6).

Наконец, участвуя в секьюритизации международно-политических вопросов, «эксперты не просто обслуживают центр [принятия решений], они также способны преследовать свои собственные цели, которые могут быть связаны с локальными интересами или конкретными задачами секторов, в которых они работают» (Andersson, 2021: 28). Таким образом, эксперты могут быть как агентами каких-либо акторов политики, так и действовать самостоятельно, целенаправленно стремясь представить тот или иной объект угрозой безопасности для извлечения дивидендов (политических, материальных, символических). Например, украинским экспертам и аналитическим центрам выгодно максимально секьюритизировать все вопросы, связанные с Россией, поскольку успешная секьюритизация ведёт к увеличению финансирования российского направления украинской внешнеполитической экспертизы как со стороны властей Украины, так и со стороны зарубежных правительств, некоммерческих организаций, политических сил. Более того, содействуя секьюритизации каких-либо вопросов, эксперты могут создавать легитимные основания для учреждения новых направлений внешнеполитической экспертизы: так, в ответ на «красную угрозу» в своё время в США возникла советология, а сейчас на Украине в связи с противостоянием с Россией – «российские студии».

Секьюритизация и экспертный геополитический дискурс

Секьюритизация вопросов внешней политики и международных отношений осуществляется экспертами в рамках особого направления геополитического дискурса, действующими лицами которого они являются, – это экспертный геополитический дискурс. Для определения основных функциональных ролей, которые эксперты могут в нём выполнять, секьюритизируя те или иные вопросы,

автор предлагает применить типологию, разработанную О. Хвостуновой и изложенную в работе «Театр политического дискурса: за кулисами и на сцене» (Хвостунова, 2007).

Эксперты-идеологи. Как отмечает О. Хвостунова, «в задачу экспертов-идеологов в политическом дискурсе входит разработка новых идеологических конструкций и их социальная адаптация в виде этических, правовых норм и политической символики. Эксперты нередко просто переосмысливают уже существующие идеологии. Негативной стороной деятельности экспертов-идеологов может стать политическое мифотворчество, которое тесно связано с искусственным созданием семиотических структур» (Хвостунова, 2007: 161–162). В геополитическом дискурсе эксперты-идеологи участвуют в секьюритизации международно-политических вопросов, на уровне, выражаясь словами Дж. О’Тоала, «формальной геополитики» (Tuathil, 1999: 109–110). Для лиц, вырабатывающих внешнюю политику государства, они формулируют стратегическое, концептуальное видение геополитического прошлого, настоящего и будущего международных отношений, в котором те или иные вопросы позиционируются ими как устойчивые угрозы безопасности нации, государству или мировому порядку. Особенностью секьюритизации, осуществляемой экспертами-идеологами, является её системность: создаваемые и распространяемые ими нарративы, описывающие и «объясняющие» геополитическую действительность, представляют собой целостные повествования, объединённые общей логикой и смыслами. Отсюда и характер угроз, выдвинутых такими экспертами, имеет часто глобальный, фундаментальный масштаб: «англосаксонская угроза», «мир G-Zero», «ревизионизм Китая и России» и т.п. Примерами экспертов-идеологов могут быть Г. Киссинджер, Ф. Фукуяма и С. Райс в США, А. Дугин и А. Панарин в России, В. Горбулин на Украине.

Эксперты – политические консультанты. Данная группа экспертов занимается текущим аналитико-прогноznым обеспечением акторов политики, «решением актуальных политических вопросов» (Хвостунова, 2007: 161), тактическим сопровождением процесса выработки, принятия и реализации внешнеполитических решений. Их деятельность связана с анализом международных ситуаций и оценкой курса внешней политики государства, а участие в геополитическом дискурсе связано с созданием и распространением нарративов и, уже, секьюритизированных представлений о различных вопросах международно-политической действительности на его «практическом», «среднем» уровне (Колосов, 2011: 35). Это осуществляется как посредством личного общения с лицами, принимающими внешнеполитические решения, так и путём публикации различных продуктов внешнеполитической экспертизы: аналитических записок, справок, докладов, отчётов и т.п. Эксперты-консультанты имеют возможность непосредственно доносить и навязывать свои секьюритизированные представления акторам политики, которые зачастую воспринимают данные решения некритично, поскольку специально наняли консультантов для ликвидации пробелов в собственной компетентности. При этом консультируют акторов не только отдельные эксперты, но и экспертные структуры (аналитические центры, научные учреждения), коллективные представления которых основываются, в том числе, и на общих идеологических убеждениях или научно-теоретических предпочтениях их членов (либертарианская RAND Corporation, реалистский Stratfor, националистический Фонд «Демократические инициативы», консервативный Институт Собесского и др.). При этом если эксперты-идеологи предлагают фундаментальные рекомендации по ведению внешней политики, дают комплексное видение международных отношений, то консультанты просто действуют, ориентируясь на конкретные проблемы, требующие решения здесь и сейчас, а потому и определяемые ими «угрозы» референтному объекту часто являются не такими устойчивыми, зависят от обстоятельств.

Эксперты-адвокаты. Как отмечает О. Хвостунова, «деятельность по легитимации должна сопровождаться внятной аргументацией, агентами которой выступают эксперты-адвокаты. Легитимация не требует от эксперта глубоких знаний, но для неё необходим опыт, профессионализм, понимание психологии общественных групп, чёткое представление о ходе политических процессов и о расстановке сил на политической арене, а также разнообразный арсенал средств политического пиара. В процессе легитимации принципы профессиональной ответственности эксперта могут вступить в конфликт с представлениями об общественных интересах и благах – искусство политического лукавства оборачивается манипуляциями общественным мнением» (Хвостунова, 2007: 163). Такое определение экспертов-адвокатов делает их тождественными псевдоэкспертам, что размывает суть проблемы внешнеполитической псевдоэкспертизы и одновременно вешает ярлык манипуляторов на целый класс специалистов. Решение этой проблемы автор видит в подходе к публичному аффилированию, которого придерживаются эксперты в своей деятельности, а также в проистекающем из этого вопросе о независимости / предвзятости оценок международно-политической действительности. Если эксперт публично позиционирует себя как лицо, аффилированное с какой-либо политической партией, госу-

дарственным органом, конкретным политиком или другим актором, и даёт оценки происходящему с точки зрения этого актора, его интересов и идеологии, такие экспертные суждения являются адвокацией и не могут считаться псевдоэкспертизой. Если же эксперт целенаправленно позиционирует себя как независимого и объективного, при этом делает всё вышеперечисленное, то он занят псевдоэкспертизой и введением общества в заблуждение. Секьюритизационная специфика участия экспертов-адвокатов в геополитическом дискурсе проявляется в содействии формированию и трансляции общественности секьюритизированных представлений актора, с которым они аффилированы, о международно-политической действительности. Вероятно, наилучшими примерами здесь являются Международный республиканский институт (IRI) и Национальный демократический институт по международным вопросам (NDIFIA), тесно связанные Республиканской и Демократической партиями США соответственно и формирующие и транслирующие их взгляды на угрозы национальной и международной безопасности при осуществлении публичной внешнеполитической экспертизы.

Заключение

В современной политологии теория секьюритизации устоялась как эффективный и достаточно распространённый исследовательский подход к вопросам международной безопасности. Результаты проведённого обзорного исследования свидетельствуют о том, что она может быть также применена и при изучении внешнеполитической экспертизы, чего пока ещё практически не наблюдается. Ни в западной, ни в отечественной политической науке эксперты в сфере внешней политики и международных отношений до сих пор не рассматриваются как отдельный, самостоятельный актор секьюритизации. Предпочтение отдаётся «экспертам по безопасности» и другим акторам.

В это же время категориальный аппарат и основные положения теории секьюритизации позволяют в полной мере изучать специфику участия экспертов-международников в формировании и распространении представлений об «угрозах» различным референтным объектам (государствам, идентичностям, внешнеполитическим курсам и др.), а также рассматривать внешнеполитическую экспертизу как особую сеть, эпистемное сообщество, участвующее в геополитическом дискурсе и секьюритизирующее вопросы внешней политики и международных отношений.

Обзор исследований показал, что эксперты и экспертные структуры могут рассматриваться как полноценные акторы секьюритизации. Своё видение проблем безопасности и конкретных угроз своим референтным объектам они формулируют и транслируют аудитории, исходя из представлений о безопасности, содержащихся в их геополитических картинах мира («воображаемая безопасность»), и с учётом актуальных целей, которые ставят перед ними как акторы политики, так и сами они, исходя из своих личных или иных, в т.ч. корпоративных, интересов.

В основе поистине привилегированного положения экспертов как действующих лиц секьюритизации лежит их особый статус в обществе и его политической системе. Обладая в глазах и политических элит, и остального населения эксклюзивными знаниями, опытом, компетенцией и авторитетом, эксперты-международники пользуются общим доверием для эффективного распространения секьюритизированных представлений. Совершая «секьюритизационные шаги» в адрес различных аудиторий, они содействуют легитимации решений, направленных на противодействие мнимым или реальным угрозам безопасности. Как показывает практика, эти угрозы определяются и озвучиваются экспертами на всех уровнях геополитического дискурса: в идеологиях и фундаментальной науке, практических рекомендациях акторам политики и доктринальных документах, в публичных выступлениях – и могут иметь как ситуативный, так и концептуальный, стратегический характер.

Специфическое положение экспертов в геополитическом дискурсе не только делает их исключительно влиятельными акторами секьюритизации, но и ставит перед ними ряд проблем. Вероятно, важнейшая из них – это проблема внешнеполитической псевдоэкспертизы и её соотношения с адвокатской деятельностью, грань между которыми достаточно тонка и в значительной мере может определяться особенностями публичного аффилирования.

Дальнейшее применение теории секьюритизации в исследованиях внешнеполитической экспертизы может привести к следующим позитивным последствиям для отечественной политологии:

- в теоретическом плане может получить развитие научное представление о внешнеполитической экспертизе как о специфической сети, участвующей в геополитическом дискурсе государства и через него влияющей на внешнюю политику, путём воздействия на геополитическую картину мира, существующую в сознании как широкой общественности, так и политических элит, в частности, лиц, занимающихся выработкой, принятием и реализацией решений в сфере внешней политики, обороны

и безопасности. Такой подход органично сочетается с научным видением внешнеполитической экспертизы в рамках других политологических теорий, в частности, теории «эпистемных сообществ» П. Хааса и критической геополитикой Дж. О'Тоала. Новую область применения в политической науке могут найти политический дискурс-анализ, лингвополитический анализ, контент-анализ, драматургический анализ и другие междисциплинарные методы исследований, объектами которых могут являться секьюритизирующие речевые акты с участием экспертов и экспертных структур. Может появиться дополнительная возможность сместить внимание исследователей внешнеполитической экспертизы с её отдельных институтов на те секьюритизированные представления о международно-политической действительности, которые они транслирует общественности и элитам;

- в практическом плане изучение секьюритизационных шагов и в целом секьюритизирующих речевых актов, в которых участвуют эксперты-международники и экспертные структуры, может способствовать более глубокому пониманию того, как и на основании чего формируются представления лиц, принимающих внешнеполитические решения, в сфере безопасности, какие каналы для этого используются, какую роль в этом процессе играет псевдоэкспертиза.

Список литературы / References

- Богатуров, А. Д., Косолапов, Н. А., Хрусталёв, М. А. (2002) *Очерки теории и политического анализа международных отношений*. Москва: Научно-образоват. форум по междунар. отношениям. [Bogaturov, A. D., Kosolapov, N. A., Khrustalev, M. A. (2002) *Essays on the theory and political analysis of international relations* [Oчерki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh odnoshenii]. Moscow: Nauchno-obrazovat. forum po mezhdunar. odnosheniyam. (In Russ.)].
- Борозенец, Д. И. (2020) 'Контент-анализ политического текста как метод определения базовых концептов политической картины мира эксперта-политолога (на примере высказываний И. М. Апаршина)', *Парадигмы истории и общественного развития*, 19, сс. 62–67. [Borozenets, D. I. (2020) 'Content-Analysis of Political Texts as a Method for Finding Basic Concepts of Political Expert's Picture of the World (on Example of I. M. Aparshin)' [Kontent-analiz politicheskogo teksta kak metod opredeleniya bazovykh konceptov politicheskoy kartiny mira eksperta-politologa (na primere vyskazyvaniy I. M. Aparshina)], *Paradigms of history and social development*, 19, pp. 62–67. (In Russ.)].
- Володькин, А. А. (2019) 'Значение теории секьюритизации О. Уивера и Б. Бузана для изучения внешней политики государств Балтии в постсоветский период', *Беларусь в меняющемся мире: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции*, сс. 82–87. [Volodkin, A. A. (2019) 'Applications of the Securitization theory of B. Buzan and O. Waever to the Study of the Foreign Policy of the Baltic States in the Post-Soviet Period' [Znachenie teorii sek'yuritizatsii O. Uivera i B. Buzana dlya izucheniya vneshnej politiki gosudarstv Baltii v postsovetskij period], *Belarus in a Changing World: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 82–87. (In Russ.)].
- Гайдаев, О. С. (2019) 'Эволюция и современный этап развития теории секьюритизации в контексте глобального информационно-психологического противоборства', *Youth World Politic*, 1, сс. 57–67. [Gaidaev, O. S. (2019) 'Evolution and Current State of Securitization Theory in the Context of Global Psychological Warfare' [Evolyuciya i sovremennyy etap razvitiya teorii sek'yuritizatsii v kontekste global'nogo informacionno-psihologicheskogo protivoborstva], *Youth World Politic*, 1, pp. 57–67. (In Russ.)].
- Колосов, В. А. (2011) 'Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России', *Политическая наука*, 4, сс. 31–52. [Kolosov, V. A. (2011) 'Critical Geopolitics: Main Concepts and Field Experience in Russia' [Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii], *Political science*, 4, pp. 31–52. (In Russ.)].
- Коньшев, В. Н., Сергунин, А. А., Субботин, С. В. (2016) 'Социальный конструктивизм о проблемах безопасности', *Теория и проблемы политических исследований*, 3, сс. 94–112. [Konyshchev, V. N., Sergunin, A. A., Subbotin, S. V. (2016) 'Social

- Constructivism on Security Problems' [Social'nyj konstruktivizm o problemah bezopasnosti], *Theories and problems of political research*, 3, pp. 94–112. (In Russ.).
- Никитина, Ю. А. (2019) 'Теория секьюритизации в анализе политики', в: Гаман-Голутвина, О. В., Никитин, А. И. (ред.) *Современная политическая наука. Методология*, сс. 728–741. [Nikitina, Yu. A. (2019) Securitization Theory in Policy Analysis [Teoriya sek'yuritizacii v analize politiki], *Contemporary political science. Methodology*, Moscow: Aspect Press, pp. 728–741. (In Russ.)].
- Хвостунова, О. (2007) 'Театр политического дискурса: за кулисами и на сцене', в *Реснянская, Л. Л. (ред.) СМИ и политика*, сс. 154–226. [Khvostunova, O. [Theater of Political Discourse: behind the Scenes and on Stage [Teatr politicheskogo diskursa: za kulisami i na scene], in: Resnyanskaya, L. L. (eds.) *Media and Politics*, Moscow: Aspect Press, pp. 154–226. (In Russ.)].
- Andersson, P. S. (2021) *Why Does China Seek Arctic Minerals? Categories as Tools for Shaping and Navigating Foreign Policy and Industrial Development Priorities*. PhD thesis. Aalborg Universitet.
- Balzacq, T. (2005) 'The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context', *European Journal of International Relations*, 11(2), pp. 171–201.
- Balzacq, T., Léonard, S. & Ruzicka, J. (2016) "Securitization" Revisited: Theory and Cases', *International Relations*, 30 (4), pp. 494–531.
- Berling, T. V. (2011) 'Science and securitization: Objectivation, the authority of the speaker and mobilization of scientific facts', *Security Dialogue*, 42 (4–5), pp. 385–397. DOI: 10.1177/0967010611418714.
- Buzan, B., Wæver, O. & De Wilde, J. (1997) *Security: A new framework for analysis*. Lynne Rienner Publishers Inc.
- Casarini, N. & Musu, C. (eds.) (2007) *European Foreign Policy in an Evolving International System: the Road Towards Convergence*. Springer.
- Dodds, K.-J. (1993) 'Geopolitics, Experts and the Making of Foreign Policy', *Area*, 25(1), pp. 70–74.
- Floyd, R. (2015) 'Extraordinary or ordinary emergency measures: what, and who, defines the "success" of securitization?', *Cambridge Review of International Affairs*, 29(2), pp. 677–694. DOI: 10.1080/09557571.2015.1077651.
- Guzzini, S. (2015) *Foreign policy identity crises and uses of the "West"*. DIIS Working Paper.
- Jasanoff, S. (2006) 'Judgment Under Siege: The Three-Body Problem of Expert Legitimacy', *Sociology of the Sciences Yearbook*, pp. 209–224. DOI: 10.1007/1-4020-3754-6_12.
- Middleton, A. (2016) 'Populist radical right parties and the securitization of migration in France', *Independent Study Project (ISP) Collection*. 2430. Available at: https://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/2430 (Accessed: 15 December 2022).
- Neo, R. (2020) 'The securitisation of fake news in Singapore', *International Politics*, 57(4), pp. 724–740.
- Rychnovská, D., Pasgaard, M. & Berling, T. V. (2017) 'Science and security expertise: Authority, knowledge, subjectivity', *Geoforum*, 84, pp. 327–331. DOI: 10.1016/j.geoforum.2017.06.0.
- Salter, M. B. (2008) 'Securitization and desecuritization: a dramaturgical analysis of the Canadian Air Transport Security Authority', *Journal of International Relations and Development*, 11(4), pp. 321–349. DOI: 10.1057/jird.2008.20.
- Scheel, S. (2020) 'Reconfiguring Desecuritization: Contesting Expert Knowledge in the Securitization of Migration', *Geopolitics*, pp. 1–27. DOI: 10.1080/14650045.2020.1774749.
- Taureck, R. (2006) 'Securitization theory and securitization studies', *Journal of International Relations and Development*, 9 (1), pp. 53–61. DOI: 10.1057/palgrave.jird.1800072/.
- Tuathail, G. Ó. (1999) 'Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Society', *The Journal of Strategic Studies*, 22, pp. 107–124, DOI: 10.1080/01402399908437756.
- Weldes, J. (1999) *Constructing National Interests: The United States and the Cuban Missile Crisis*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Weldes, J. (1999) *Cultures of insecurity: states, communities, and the production of danger*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Статья поступила в редакцию: 17.12.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 20.01.2023

Статья принята к печати: 11.04.2023

**FOREIGN POLICY EXPERTISE:
THE RESEARCH POTENTIAL OF THE SECURITIZATION THEORY**

O. V. Onopko

O. V. Onopko, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Donetsk State University.

E-mail: onopko.oleg@gmail.com (ORCID: 0000-0001-5569-8256).

Abstract

The article is a scientific review of the studies of securitization theory, aimed at identifying its possible application to the study of foreign policy expertise. The study characterizes the main actors of securitization of international political issues; highlights the key provisions of securitization theory, which can be used to study foreign policy expertise; offers the author's interpretation of O. Khvostunova's typology of political experts regarding securitization in the framework of expert geopolitical discourse. The findings show that the application of securitization theory can contribute to the development of the scientific notion of foreign policy expertise as a specific network of experts engaged in the geopolitical discourse of the state and influencing foreign policy through it. It happens by having an effect on the geopolitical view of the world of both the political elite and the masses. In the future, the study of securitization steps and securitizing speeches in general can contribute to a deeper understanding of how and on what basis perceptions of foreign policy of decision makers in the security field are formed, what channels are used for this purpose, what role foreign policy expertise and pseudo-expertise play in this process.

Keywords: foreign policy expertise; foreign policy; securitization theory; geopolitical discourse.